

DOI 10.18522/2415-8852-2022-2-104-119

УДК 821.112.2

СПЕЦИФИКА WENDELITERATUR (ЛИТЕРАТУРЫ «ПОВОРОТА») В ОБЪЕДИНЕННОЙ ГЕРМАНИИ

Мария Владимировна Бурханова

кандидат филологических наук, независимый исследователь (Москва, Россия)

e-mail: maria.burhanova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-7003-583X

Аннотация. При изучении литературы объединенной Германии встает вопрос, можно ли такие тексты, как «Комнатный фонтан» Й. Шпаршу (1995), «Что остается?» К. Вольф (1990), «Широкое поле» (1995), «Мое столетие» (1999) Г. Грасса, «Солнечная аллея» Т. Бруссига (1999), «Звезда 111» Л. Зайлера (2020) и другие многочисленные произведения, отражающие целую эпоху, обозначить единым понятием. В немецкоязычном литературоведении, начиная с конца XX в., неоднократно в рамках данной проблематики упоминаются понятия *Wenderoman* и *Wendeliteratur* (роман «эпохи поворота» и литература «поворота»). Однако до сих пор при изучении немецкоязычных художественных текстов конца XX в. нет общепринятой практики использования этих понятий как литературоведческих терминов. Теоретическая часть статьи включает рассуждение о том, может ли именно понятие *Wende* быть общей идеей художественных текстов, посвященных поиску национальной идентичности, а также касается истории данного понятия в политическом аспекте. Рассматривая понятие *Wendeliteratur* как термин, мы анализируем работы немецкоязычных исследователей в этой области и делаем попытку вывести общее определение и критерии литературы «поворота»: какие произведения, каких авторов и по каким принципам можно отнести к этой категории. В рамках данной статьи мы приходим к выводу, что несмотря на разницу поколений, жизнь в ГДР или ФРГ, неоднородность жанров, произведения указанного ряда имеют много общего и нуждаются в объединяющей терминологии. В результате сравнительно-типологического анализа трех произведений (повести 1991 г. «Груши Риббека» Ф.К. Делиуса, романа 2008 г. «Башня» У. Телькампа и романа 2014 г. «Крузо» Л. Зайлера) детально показаны параллели, связывающие основные образы, лейтмотивы, художественные приемы, темы, тенденции художественного мышления, свойственные литературе «поворота».

Ключевые слова: немецкая литература, *Wendeliteratur*, *Wenderoman*, ГДР, самоидентификация, проблема поиска немецкой идентичности, литература объединенной Германии

В литературоведении объединенной Германии поиск немецкой идентичности сопряжен с появлением понятия “Wendeliteratur”. “Wende” в переводе с немецкого означает ‘поворот’, ‘переломный момент’, ‘рубеж’, а в современном разговорном варианте – «воссоединение Восточной и Западной Германии». Таким образом, термин *Wendeliteratur*, *литература «поворота»*, относится к событиям после 9 ноября 1989 г. и, следовательно, к завершению эпохи ГДР¹.

В политической сфере впервые это слово использовал Эгон Кренц в своем телевизионном выступлении о «смене курса», когда 17 октября 1989 г. он занял место Эриха Хонеккера на посту председателя Госсовета ГДР: “Wir werden eine **Wende** einleiten” («Мы изменим ситуацию»). Подробно на анализе значений “Wende” с точки зрения политической обстановки Германии 1989–1990 гг. останавливается М. Кауфман в статье «Поворот и воссоединение: два слова делают историю» [Kauffmann]. Кауфман, предложивший семантико-прагматический анализ речи Кренца, пришел к выводу, что в контексте всего его выступления слово “Wende” вызывает у слушате-

лей ощущение скорее некой неопределенности и долю скептицизма, чем ожидание кардинальных перемен. В итоге “Wende” приобрело у Кренца значение оппортунистической адаптации к новой извилистой партийной линии и встало в ряд с фразой «перестройка в СССР».

Однако до указанного выступления Кренца данное слово в значении ‘переломный момент’ уже звучало в «Прологе к открытию 40-го сезона Берлинского ансамбля» немецкого прозаика, поэта и драматурга Фолькера Брауна 11 октября 1989 г. [Frach: 206–207] и, возможно, здесь приобретает более революционный смысл:

Unsere Bühne, Raum bietend
den großen Widersprüchen
wird wieder eröffnet.
Der Planwagen der Händlerin
und der Eisenwagen der Genossen
stoßen aufeinander. Was für alte
Fahrzeuge, die nicht wenden können! Ihre sichtbare
Schwierigkeit macht uns Mut
zu einer andern Bewegung. Eröffnen wir
auch das Gespräch
über **die Wende** im Land.

¹ 9 ноября 1989 г. – падение Берлинской стены. 28 ноября 1989 г. канцлер ФРГ Гельмут Коль объявил программу из 10 пунктов, призывающую обе Германии расширить сотрудничество с целью возможного воссоединения. 3 октября 1990 г. – дата вхождения ГДР и Восточного Берлина в состав ФРГ в соответствии с конституцией ФРГ.

Наша сцена, предоставляющая пространство
 для великих противоречий,
 вновь открывается.
 Фургон торговли
 и железная машина товарищей
 сталкиваются. Какие старые
 неповоротливые машины! Ваше осязаемое
 затруднение вселяет в нас мужество
 сделать еще один шаг. Давайте же начнем
 разговор
 о переломе в [истории] страны.

(Подстрочник наш. – М. Б.)

Немецкоязычная литература не могла мгновенно не отреагировать на события 1989–1990 гг. (на тот момент больше политические, чем просто исторические). В свою очередь, в литературоведении ответом на художественные тексты, посвященные смене эпох в Германии, становится введение понятия “Wenderoman” и, как следствие, “Wendeliteratur”. Однако на сегодняшний день однозначной дефиниции Wendeliteratur нет. Сложности возникают с установлением хронологических рамок, авторства, тематики и проблематики, литературных жанров, поэтики: относить к Wendeliteratur тексты, написанные в указанный период, или тексты, написанные после завершения эпохи ГДР? Может ли историческая дата – официальное воссоединение государства – быть точкой отсчета? Авторы Wendeliteratur – восточные

или западные? Стоит ли учитывать разницу поколений? Описывается жизнь после или до падения Берлинской стены? В какой тональности – иронической, ностальгической, классической? Поэты первыми отреагировали на падение Берлинской стены (Фолькер Браун, Дурс Грюнбайн), тем не менее этой теме посвящены также прозаические и драматические произведения.

С точки зрения исследования знаковых произведений литературы поворота наиболее уместен взгляд Ф.Т. Груба [Grub; Kersten]. К Wendeliteratur могут быть причислены даже те тексты, в которых объединение упоминается коротко, иногда в одном предложении: решающим критерием является значение, которое придается событию. Очевидно, что появление литературы «поворота» стало возможным только после завершения эпохи ГДР, но тексты, изображающие жизнь в Германии до и после «поворотного момента», могли быть созданы как после, так и до падения Стены. Wendeliteratur – это литература прощания с ГДР и литература о самоидентификации в новой Федеративной Республике [Kersten]. Ф.Т. Груб отмечает, что литература поворота создает новых персонажей и раскрывает новые темы: фигуры осведомителя, «стукача», перебежчика, образ «растерянного» в эпоху перемен восточного немца, тема «осси» (“Ossi”) и «весси» (“Wessi”), фигура «вос-

си» (“Wossi”)¹. Этот список можно дополнять [Мазенова (Бурханова)].

С начала нового тысячелетия все чаще вместо Wendeliteratur вводятся новые историко-литературные термины: «литература после поворота» (“Post-Wende-Literatur” [Cosentino: 436–451], “Nachwendeliteratur” [Nause]), «пост-ГДР-литература» (“Post-DDR-Literatur” [Barck: 303–322]). Й.Г. Людекер и Д. Орт используют термин «повествование после поворота» (“Nach-Wende-Narration”, 2010 [Lüdeker, Orth: 7–17]) в одноименной антологии к 20-й годовщине официального воссоединения: здесь центральное место занимает не само «воссоединение», а обсуждение тех культурных и социальных событий, которые инициировал этот процесс. Кроме того, иногда говорят о «литературе воссоединения» (“Wiedervereinigungsliteratur” [Bremer]), о «стене» (“Mauer”) и о «литературе падения стены» (“Mauerfallliteratur” [Hille: 105–117]), о «литературе объединения» (“Vereinigungsliteratur” [Joachimsthaler: 144–172]), нередко также о «литературе поворота и объединения» (“Wende”- и “Vereinigungsliteratur” [Gabler: 167–192]) или «литературе поворота и воссоединения» (“Wende”- и “Wiedervereinigungsliteratur” [Gansel, Hermann]).

Объясняя стремление исследователей переименовать заключенный в литературе Объединения концепт «литературы “поворота”», характерной для любых эпохально-значимых вех, в «литературу Немецкого Единства» (“Literatur zur Einheit”), во-первых, отметим, что в истории Германии так же, как был не один поворотный момент, был и не один момент восстановления единства (1871 г., 1990 г.). Во-вторых, данное стремление так же, как и, например, стремление использовать термины “Nachwende”, “Post-Wende”, “Wiedervereinigungsliteratur”, “Post-DDR-Literatur” подчеркивают новые тенденции в историко-литературном дискурсе, но, на наш взгляд, их вряд ли можно использовать в качестве замены “Wendeliteratur”. В определенном смысле это было бы «сужением» устоявшегося термина не только в литературоведении, но и в политической сфере. Значительный блок текстов Wendeliteratur – это политизированная литература.

С одной стороны, не стоит рассматривать литературу объединенной Германии только как пост-ГДР-литературу. Но, с другой стороны, важно отметить, что образ ГДР – это ключевой образ Wendeliteratur. Он появляется в многочисленных художественных текстах объединенной Германии, например,

¹ Житель восточных земель, переехавший после объединения на Запад, и наоборот.

в творчестве Катрин Анлих («Все умирают, включая веслоносых» / “Alle sterben, auch die Löffelstöre”, 2007; «Как госпожа Краузе изобрела ГДР» / “Wie Frau Krause die DDR erfand”, 2019), Клеменса Майера «Как мы мечтали» (“Als wir träumten”, 2006), Петера Рихтера “89/90” (2015), в творчестве Инго Шульце, Томаса Бруссига, Йенса Шпаршу, Уве Телькампа.

Образ ГДР в литературе поворота отражает важную проблему – проблему лишения восточных немцев их памяти – и поднимает тему самоидентификации в объединенной Германии: произошло не просто объединение, а, скорее, поглощение Германской Демократической Республики Федеративной Республикой Германией. Поэтому поколение ГДР экзистенциально затронуто воссоединением Германии. С одной стороны, для них открылись новые возможности, но, с другой стороны, драматическим образом исчезли их собственное прошлое и история. Их поколение скреплено воспоминаниями, которые отражаются в литературе.

Соответственно, образ значим, но не исключителен. Например, Гюнтер Грасс в романе «Мое столетие», касаясь нескольких лет после объединения Германии, неоднократно описывает то, как немец уже объединенного государства реагирует на события новой эпохи, на идеи и увлечения молодого поколения (например, глава «1995») или касается образа жизни западного немца до и после объедине-

ния (главы «1971» и «1973»), при этом в произведении не создается образ ГДР.

В немецкоязычном литературоведении чаще всего используется именно термин “Wendeliteratur”, а не, например, “Post-DDR-Literatur”, потому что тезис о том, что литература поворота – это литература об исчезновении Восточной Германии – действительно являлся бы упрощением литературной истории. Это тексты и о самоидентификации в новой Федеративной Республике, о поиске восточными немцами себя в объединенной Германии (поиске людей, которые смотрят на Запад, исходя из другого исторического опыта, кто воспринимает жизнь по-другому, нежели ее воспринимает тот, кто вырос в ФРГ, Франции или США).

Определение Ф.Т. Груба, приведенное выше, тем и хорошо, что оно очень обширно и рассматривает литературу как многогранное и разнообразное явление, а не с точки зрения терминологических ярлыков. Новые определения подчеркивают новые тенденции в текущем литературном дискурсе поворота, но не заменяют и не трансформируют базисное определение «литература поворота», являясь только его формами.

Неизбежный вопрос, который встает в процессе анализа литературы поворота, – какое произведение следует считать вершиной. Авторами Wende-романа называют как писателей восточной Германии (Юрек Беккер, Вольфганг Хильбиг, Клеменс Мейер,

Инго Шульце, Уве Телькампа, Лутц Зайлер, Криста Вольф, Моника Марон, Андре Кубичек), так и западной (Питер Шнайдер, Эрнст-Вильгельм Гендель, Свен Регенер, Гюнтер Грасс и др.). К числу представителей жанра можно отнести и зарубежных авторов, например Николаса Шекспира с романом «Снолег» („Snowleg“, 2004). Кроме того, публикуется множество романов и сборников к юбилейным датам объединения Германии (ср.: сборник «1989. Десять историй, которые прошли сквозь стену», 2009).

Г.К. Бух, немецкий писатель, автор романов «Кругосветное путешествие за 8 ночей» („Reise um die Welt in acht Nächten“, 2009), «Субботний барон, или Загробная жизнь» („Baron Samstag oder das Leben nach dem Tod“, 2013), «Одиннадцать способов сломать лед» („Elf Arten, das Eis zu brechen“, 2016), к 1994 г. считал, что большой эпический роман об объединенной Германии еще не опубликован, как и великий роман о Французской революции или студенческом восстании 1968 г. Из его интервью с журналистами очевидно, что и сам Г.К. Бух не планировал выступить в роли великого «летописца» о событиях второй половины XX в. в Германии. Хайнер Мюллер и Кристоф Хайн придерживались такой же нейтральной позиции [Ledanff 1997].

В 2019 г. в журнале “Tagesspiel” литературовед и социолог А. Борн выделяет уже три романа, которые, по его мнению, можно на-

звать лучшими в литературе объединенной Германии: «Простые истории» Инго Шульце („Simple Storys“, 1998), «Колон» Яна Гроха („Colón“, 2001) и «Рай» Бернда Вагнера („Paradies“, 1997) [Born].

В то же время в Германии существует около 100 литературных премий, одна из самых престижных – Немецкая литературная премия, которая с 2005 г. вручается ежегодно автору лучшего немецкоязычного романа. Лауреатами этой национальной награды становились и романы литературы поворота, в которых человеческая жизнь тесно переплетается с историей страны. В 2009 г. лучшей книгой года становится роман У. Телькампа «Башня. История с затонувшей земли» (“Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land”), в 2011 – «Дни убывающего света» Е. Пуге (“In Zeiten des abnehmenden Lichts”), в 2014 премия присуждается роману Л. Зайлера «Крузо» (“Kruso”).

Таким образом, у критиков и литературоведов сегодня нет однозначного решения, какой роман – выдающийся в литературе поворота, как и нет сформировавшихся критериев для такой оценки.

В рамках данной статьи мы остановимся на трех произведениях, которые можно считать репрезентативными для литературы поворота: это повесть «Груши Риббека» („Die Birnen von Ribbeck“, 1991) Ф.К. Делиуса, роман «Башня» („Der Turm“, 2008) У. Телькампа и роман «Крузо» („Kruso“, 2014) Л. Зайлера.

Фридрих Кристиан Делиус (Friedrich Christian Delius, р. 1943) родился в Риме и вырос в Гессене (западный немец), член Германской академии языка и художественной литературы, автор более десятка романов и ряда сборников стихов. Сначала он обратился на себя внимание как поэт, известность ему также принес документально-иронический очерк о крупном немецком концерне („Unsere Siemenswelt“, 1972). Повесть «Груши Риббека» („Die Birnen von Ribbeck“, 1991) принадлежит к известнейшим его произведениям об историческом прошлом Германии: это «восточнонемецкий монолог» [Потёмина 2013], направленный против утраты истории и памяти, монолог от лица крестьянина о своей деревне и о своей стране, написанный в одно предложение на 79 страниц. Проблематика и поэтика повести «Груши Риббека» особенно ясно выражают авторскую позицию по отношению к разрушению деревни после объединения.

Уве Телькамп (Uwe Tellkamp, р. 1968) родился в Дрездене (восточный немец), принадлежит к поколению Томаса Бруссига и Инго Шульце. После объединения Германии изучал медицину и до 2004 г. совмещал профессии писателя и врача, затем оставил медицинскую деятельность и всерьез занялся литературой. Уве Телькамп известен в Германии романами «Щука, сны и Португальское кафе» („Der Hecht, die Träume und das Portugiesische Cafe“, 2000) и «Зимородок»

(„Der Eisvogel“, 2005). Роман «Башня» является одной из наиболее признанных работ в немецкой литературе за последние годы (премия им. У. Джонсона, Немецкая книжная премия, премия фонда К. Аденауэра и Немецкая национальная премия). Критики приветствуют такие «панорамные романы», как «Башня», которые дают полную или хотя бы обширную историю ГДР: «Побег Хампеля» („Hampels Fluchten“, 2000) Михаэля Кумпфмюллера или роман Евгения Руге «Во времена затухающего света» („In Zeiten des abnehmenden Lichts“, 2011), который, как уже было сказано выше, также получил высокую оценку. Роман «Башня» – это значимое эпическое произведение, созданное уже в XXI в., своеобразная переоценка прошлого ГДР: «История с затонувшей землей» – такой подзаголовок дает писатель своему роману.

Лутц Зайлер (Lutz Seiler, р. 1963) родился в ГДР, в Тюрингии (восточный немец), член Немецкой академии языка и поэзии. Роман «Крузо» („Kruso“, 2014) – первое прозаическое произведение немецкого поэта. В нем писатель затрагивает как философские вопросы, так и тему крушения ГДР. В качестве материала Зайлер привлек опыт работы на острове Хиддензее в 1988 г. На этот остров надежды уезжает герой его романа – Эдгар Бендлер.

В рамках данной статьи проследим, как на примере избранных произведений реализуется тип не только “Wende-roman”, но

и “Wende-*erzählung*” (таким образом хочется подчеркнуть жанровое разнообразие литературы «поворота» и поставить под сомнение знак равенства между Wenderoman и Wendeliteratur).

У. Телькамп в романе «Башня» описывает ГДР до падения стены, когда чувство ностальгии или «остальгии»¹ в принципе было бы невозможным. Это еще не «потерянная родина» в отличие, например, от образа в повествовании Ф.К. Делиуса, относящегося ко времени «после поворотного момента».

Особенностью повести «Груши Риббека» Делиуса является выбор героя-повествователя: это восточный немец из крестьянской среды, в то время как сам писатель – из Западной Германии. Делиус, писатель прошлого века, в новых исторических условиях развивает проблемы, поднятые Т. Фонтане в балладе «Господин фон Риббек из Риббека в Хафельланде» (“Herr von Ribbeck auf Ribbeck im Havelland”, 1889). Тема антибуржуазности, намеченная Фонтане, становится основой для осмысления Делиусом современного положения Германии. Писатель также обращается к проблеме смены исторических эпох и в результате – к теме изменения ценностной модели немца, но уже используя новый материал и новые

приемы. Внутренний конфликт рассказчика и его противоречивое отношение к происходящим историческим событиям акцентируют внимание на глубоких переживаниях крестьянства за судьбу своей страны. Еще одна особенность повести Делиуса – это политизация образа грушевого дерева. Грушевое дерево становится своеобразным памятником наследия феодализма, значение которого трансформируется в зависимости от исторического контекста. Для крестьянина намного труднее оказалось принять не идеологию ГДР, а новый мир, где социализм сменяется свободной рыночной экономикой. Падение сельского хозяйства в объединенной Германии рассказчик оценивает как катастрофу. Если в балладе Фонтане деревня Риббек процветает, то в повести Делиуса перед читателем образ уже разрушающейся деревни – крестьянский быт значительно пошатнулся после присоединения ГДР к ФРГ. Крестьянин чувствует окончательное крушение деревни и провозглашение новых ценностей – жизнь ради прибыли. Такие качества, как недоверие, осмотрительность, непонятны бывшим жителям ГДР, теперь привычное для них «мы» распадается: «Потому что вы празднуете, потому что мы празднуем, пока мы не знаем, кто вы, кто

¹ Авторство неологизма «остальгия», по крайней мере его актуализацию, приписывают немецкому артисту Уве Штаймле, выступавшему с программой Ostalgie.

мы, потому что стены – как карточные домики, и все рушится» [Delius: 13] (Перевод мой. – М. Б.).

Основной конфликт романа «Башня» – столкновение мироощущения восточного немца (а именно – бюргера) и политического режима ГДР (роман интересен именно тем, что в нем автор не идеализирует Восточную Германию). Художественное время романа (1982–1989) охватывает как период политического консерватизма, «застоя», так и период больших и неоднозначных перемен в экономической и политической структуре СССР, когда вектор социально-политического и экономического строя сменился на демократизацию. В процессе исследования художественной ткани романа «Башня» важно обратить внимание на «одномерный», односторонний и, следовательно, «искаженный» образ ГДР, что прослеживается на всех уровнях текста. В результате мы наблюдаем трансформацию образа ГДР – от «остальгического» к отрицательно окрашенному.

На вопросе **вектора трансформации образа ГДР** в литературе «поворота» следует остановиться подробнее. М.С. Потёмина отмечает тенденцию перехода в немецкоязычной литературе от критического взгляда на ГДР к остальгическому, а затем – к дистанцированно-нейтральному [Потёмина 2007; Потёмина 2014]. И об этом действительно свидетельствует множество текстов, начиная с творчества писателей старшего поколения

из бывшей ГДР, в которых воссоздается политическая картина того времени («Я» („Ich“) Вольфганга Хильбига, «Широкое поле» („Ein weites Feld“, 1995) Гюнтера Грасса и т. д.), вплоть до текстов «поколения 89». Вспомним рассказ Кристи Вольф «Что остается» („Was bleibt“), опубликованный в 1990 г., но написанный в 1979 г., где писательница в поисках ответа на вопрос, почему общество ГДР потерпело крах, критикует политическую систему и жесткий государственный контроль. И сравним его с текстами Й. Шпаршу «Комнатный фонтан» („Der Zimmerspringbrunnen“, 1995), Т. Бруссига «Солнечная аллея» („Am kürzesten Ende der Sonnenalle“, 1999), А. Грешнер «Московское мороженое» („Moskauer Eis“, 2000), Катрин Анлих «Все умирают, включая веслоносых» (2007), где события интерпретируются с точки зрения нового опыта, литература становится хранилищем воспоминаний об исчезнувшем прошлом и появляется феномен «остальгии».

Но публикация романа «Башня» открыло новую парадигму трансформации образа ГДР, где вновь звучат слова «тоталитарное государство», «штази», «коммунистический строй». В 2011 г. выходит в свет роман Е. Руге «Дни убывающего света», где история ГДР представлена как крушение утопических проектов. Это романы, которые выйдут в свет уже после и даже одновременно с «остальгическими» произведениями. ГДР как политическая система вновь критикует-

ся – более завуалированно, образно, но тем не менее это критика, и данная тенденция, несомненно, связана с внешними политическими факторами. Поэтому, уточняя трансформацию образа ГДР, мы разделяем точку зрения М.С. Потёмной на переход от критического к остальгическому взгляду, но склоняемся к мысли, что далее нет четкого перехода к «дистанцированно-нейтральному». Идеология стран Запада оказала и продолжает оказывать значительное влияние на восприятие образа ГДР в Германии. Подобное видение социалистического прошлого страны складывается в культуре немецкой памяти и посредством СМИ, которые, в свою очередь, влияют на немецкоязычную литературу.

Роман «Крузо» Зайлера, написанный уже в 2014 г., по своей проблематике и художественному строю существенно отличается от романа «Башня» Телькампа. Зайлер – «транзитный» поэт, и по принципу транзитной поэзии он создает свое первое прозаическое произведение. Роман «Крузо» неоднократно определяли как *Wenderoman*, «роман эпохи поворота», однако сам автор отказывается от подобного толкования и видит в своем романе повествование о великой дружбе. С помощью поэзии Зайлер открывает новые грани своих персонажей – через поэтические увлечения мы видим весь спектр идей и мироощущений жителей острова Хиддензее. В тексте прослеживаются аллюзии и реминисценции,

отсылающие к творчеству известных поэтов (А. Арто, П. Верлена, А. Рембо, С. Малларме, Х. Мюллера, П. ван Остайена, Г. Тракля, Г. Гауптмана). Этот роман – игра с реальностью и фантазией: поэтические образы острова, ресторана «Отшельник», который напоминает читателю Ноев ковчег, опутывают читателя многочисленными лирическими аллюзиями, которые уже известны читателю по поэтическим произведениям автора. Одновременно «Крузо» – это и приключенческий роман, как «Остров сокровищ» Р. Стивенсона или «Моби Дик» Г. Мелвилла. Книга наполнена символами и намеками, метафорами и аллюзиями робинзонады, к «Божественной комедии», к мифам Старшей Эдды и даже к Библии. Писатель создает образ главного героя, Крузо, мировоззрение которого, с одной стороны, было сформировано именно в период разделенной Германии, но который, с другой стороны, обладает типичными немецкими чертами – такими как склонность к интеллектуальной рефлексии и поляризации внутреннего мира, желаний, импульсов, чувств, что приводит к внутренним конфликтам. При этом автор делает акцент на том, что идеология социализма главному герою ближе, чем идеология капитализма.

Избранные нами произведения («Груши Риббека» Ф.К. Делиуса, «Башня» У. Телькампа, «Крузо» Л. Зайлера) позволяют подойти к одному из наиболее спорных вопросов после объединения, разрешаемых писателями

разных направлений, – осмыслению феномена ГДР с различных точек зрения. В литературе осмысление феномена ГДР имеет сложные вариации (в отличие от образа ФРГ) и становится полем политической битвы и экзистенциального переживания. В зависимости от личности писателя и его опыта переосмысление носит разный характер. Литература, таким образом, допускает сосуществование нескольких трактовок того, чем было прошлое Восточной Германии. При этом избранные произведения наполнены многочисленными отсылками к творчеству немецких писателей – классиков и представителей новейшей литературы: к И. Гёте, Т. Фонтане, Т. Манну, Г. Гауптману, Г. Траклю, Х. Мюллеру и др. – и, значит, затрагивают фундаментальные для немецкой ментальности темы и понятия (буржуа и бюргерство, тема странствий и поиска себя, перфекционизм, самобытность, склонность к интеллектуальной рефлексии и др.).

Проблема поиска идентичности актуализируется и приобретает новое значение в немецкой гуманитаристике, в том числе и в литературоведении, после объединения Германии. Анализ литературы «поворота», воплощающей, так или иначе, разные взгляды писателей из некогда политически полярных частей Германии, позволяет развивать интеграционные процессы «разных» историй (ФРГ и ГДР) одного народа в одном историческом нарративе уже объединенной Германии.

Литература

Мазенова, М.В. (Бурханова). Берлин как художественный образ в литературе объединенной Германии // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 1 (80). С. 271–273.

Потёмина, М.С. Восточнонемецкий монолог в рассказе Ф.К. Делиуса «Груши Риббека» // Балтийский филологический курьер. 2013. № 9. С. 92–96.

Потёмина, М.С. Литературное поле Германии после Объединения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2014. № 2. С. 74–81.

Потёмина, М.С. «Остальгия» в литературе объединенной Германии // Балтийский филологический курьер. 2007. № 6. С. 237–249.

Barck, S. (2007). Fragmentarisches zur Literatur. In H. Schultz, & H.-J. Wagener (Eds.), Die DDR im Rückblick: Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur. Berlin: Ch. Links Verlag.

Born, A. (2019, November 6). Wie die Literatur auf die Wende reagierte. Tagesspiegel. Retrieved from: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/30-jahre-mauerfall-wie-die-literatur-auf-die-wende-reagierte/25196334.html> (date of access: 12.04.2022).

Bremer, U. (2002). Versionen der Wende. Eine textanalytische Untersuchung erzählerischer Prosa junger deutscher Autoren zur Wiedervereinigung. Göttingen: Universitätsverlag Rasch.

Cosentino, C. (2000). Bernd Wagners Paradies: ironisch-utopische Dimensionen in der Post-Wende-Literatur. Seminar: A Journal of Germanic Studies, 36 (4). Retrieved from: <https://www.utpjournals.press/doi/abs/10.3138/sem.v36.4.436> (date of access: 10.04.2022).

Delius, F.C. (1993). Die Birnen von Ribbeck. Hamburg: Rowohlt.

Frach, F. (2012). Schloss Wiepersdorf: das "Künstlerheim" unter dem Einfluss der Kulturpolitik in der DDR. Berlin: Ch. Links Verlag.

Gabler, W. (2011). Diskurs der Unbegreiflichkeit – Zur Geschichte der Wenderomane. In R. Kollmorgen, F.T. Koch, & H.-J. Dienel (Eds.), Diskurse der deutschen Einheit. Kritik und Alternativen. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 167–192.

Gansel, C., & Herrmann, E. (2013). „Gegenwart bedeutet die Zeitspanne einer Generation“ – Anmerkungen zum Versuch, Gegenwartsliteratur zu bestimmen. In C. Gansel, & E. Herrmann (Eds.), Entwicklungen in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur nach 1989. Göttingen: Deutschsprachige Gegenwartsliteratur und Medien, 7–22.

Grub, F.T. (2003). "Wende" und "Einheit" im Spiegel der deutschsprachigen Literatur: Ein Handbuch. Berlin: de Gruyter.

Hille, A. (2008). U-Bahn, Mond und Sterne. Berlin von unten und oben in neuere Texten der „Migrationsliteratur“. Zeitschrift für

Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi), 38 (149), 105–117.

Joachimsthaler, J. (2007). Literatur in der „Wende“ – „Wende“ in der Literatur? 10 Thesen. In I. Surynt, & Z. Marek (Eds.), Die Wende. Die politische Wende 1989/90 im öffentlichen Diskurs Mittel- und Osteuropas. Hamburg: DOBU Verlag.

Kauffmann, M. (1994). Wende und Wiedervereinigung: Zwei Wörter machen Geschichte. In H.J. Heringer, G. Samson, M. Kaufmann, & W. Bader (Eds.), Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 156–168.

Kersten, S. (2015). Mauerfall-, Post-DDR-, Vereinigungs-, Nachwende- oder doch Wendeliteratur? Eine kleine Expedition durch einen großen Begriffsdschungel. Schwerpunkt I: 25 Jahre Deutsche Einheit, 4. Retrieved from: <https://literaturkritik.de/id/21125> (date of access: 10.04.2022).

Ledanff, S. (2008). Die Suche nach dem "Wenderoman" – zu einigen Aspekten der literarischen Reaktionen auf Mauerfall und deutsche Einheit in den Jahren 1995 und 1996. Retrieved from: <https://web.archive.org/web/20081201143007/http://www.dickinson.edu/glossen/heft2/wende.html> (date of access: 10.04.2022).

Lüdeker, G.J., & Orth, D. (2010). Zwischen Archiv, Erinnerung und Identitätsstiftung – Zum Begriff und zur Bedeutung von Nach-Wende-Narrationen. In G.J. Lüdeker, & D.

Orth (Eds.), *Nach-Wende-Narrationen. Das wiedervereinigte Deutschland im Spiegel von Literatur und Film*. Göttingen: Deutschsprachige Gegenwartsliteratur und Medien.

Nause, T. (2002). *Inszenierung von Naivität. Tendenzen und Ausprägungen einer Erzählstrategie der Nachwendeliteratur*. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.

Seiler, L. (2014). *Kruso*. Berlin: Suhrkamp Verlag.

Tellkamp, U. (2008). *Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land*. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

References

Barck, S. (2007). Fragmentarisches zur Literatur [Fragmentary literature]. In H. Schultz, & H.-J. Wagener (Eds.), *Die DDR im Rückblick: Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Kultur* [Fragmentary literature of GDR in retrospect: politics, economy, society, culture]. Berlin: Ch. Links Verlag.

Born, A. (2019, November 6). Wie die Literatur auf die Wende reagierte [How literature reacted to the change]. *Tagesspiegel*. Retrieved from: <https://www.tagesspiegel.de/berlin/30-jahre-mauerfall-wie-die-literatur-auf-die-wende-reagierte/25196334.html> (date of access: 12.04.2022).

Bremer, U. (2002). *Versionen der Wende. Eine textanalytische Untersuchung erzählerischer Prosa junger deutscher Autoren zur Wiedervereinigung* [Versions of the turn. A text-analytical

investigation of narrative prose by young German authors of the reunion]. Göttingen: Universitätsverlag Rasch.

Cosentino, C. (2000). Bernd Wagners Paradies: ironisch-utopische Dimensionen in der Post-Wende-Literatur [Bernd Wagner's Paradise: ironic-utopian dimensions in Post-Wende-Literature]. *Seminar: A Journal of Germanic Studies*, 36 (4). Retrieved from: <https://www.utpjournals.press/doi/abs/10.3138/sem.v36.4.436> (date of access: 10.04.2022).

Delius, F.C. (1993). *Die Birnen von Ribbeck* [The pears of Ribbeck]. Hamburg: Rowohlt.

Frach, F. (2012). *Schloss Wiepersdorf: das "Künstlerheim" unter dem Einfluss der Kulturpolitik in der DDR* [Wiepersdorf Castle: the "Artists' Home" under the influence of cultural policy in the GDR]. Berlin: Ch. Links.

Gabler, W. (2011). Diskurs der Unbegreiflichkeit – Zur Geschichte der Wenderomane [Discourse of incomprehensibility – on the history of the Wenderomane]. In R. Kollmorgen, F.T. Koch, & H.-J. Dienel (Eds.), *Diskurse der deutschen Einheit. Kritik und Alternativen* [Discourses of German reunion. Criticism and alternatives]. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 167–192.

Gansel, C., & Herrmann, E. (2013). „Gegenwart bedeutet die Zeitspanne einer Generation“ – Anmerkungen zum Versuch, Gegenwartsliteratur zu bestimmen [“The present means the span of a generation” – notes on the attempt to determine contemporary literature]. In

C. Gansel, & E. Herrmann (Eds.), *Entwicklungen in der deutschsprachigen Gegenwartsliteratur nach 1989* [Developments in contemporary German literature after 1989]. Göttingen: Deutschsprachige Gegenwartsliteratur und Medien, 7–22.

Grub, F.T. (2003). „Wende“ und „Einheit“ im Spiegel der deutschsprachigen Literatur [“Wende” and “Einheit” in the mirror of German-language literature]. Berlin; New York: Walter de Gruyter.

Hille, A. (2008). U-Bahn, Mond und Sterne. Berlin von unten und oben in neuere Texten der „Migrationsliteratur“ [Subway, moon and stars. Berlin from below and above in recent texts of the „migration literature“]. *The Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik (LiLi)* [Journal for Literary Studies and Linguistics], 38 (149), 105–117.

Joachimsthaler, J. (2007). Literatur in der „Wende“ – „Wende“ in der Literatur? 10 Thesen [Literature in the „Wende“ – „Wende“ in literature? 10 Theses]. In I. Surynt, & Z. Marek (Eds.), *Die Wende. Die politische Wende 1989/90 im öffentlichen Diskurs Mittel- und Osteuropas* [The Wende. The political turnaround of 1989/90 in the public discourse of Central and Eastern Europe]. Hamburg: DOBU Verlag.

Kauffmann, M. (1994). Wende und Wiedervereinigung: Zwei Wörter machen Geschichte [Reunification and reunification: two words make history]. In Heringer, H. J., Samson, G., Kaufmann, M., & Bader, W. (Eds.), *Tendenzen der deutschen Gegenwartssprache* [Tendencies

of the contemporary German language]. Paris: Presses Sorbonne Nouvelle, 156–168.

Kersten, S. (2015). Mauerfall-, Post-DDR-, Vereinigungs-, Nachwende- oder doch Wendeliteratur? Eine kleine Expedition durch einen großen Begriffsdschungel [Fall of the Wall, post-GDR, unification, post-reunification or even Wende literature? A small expedition through a big jungle of terms]. *Schwerpunkt I: 25 Jahre Deutsche Einheit* [Focus I: 25 years of German Unity], 4. Retrieved from: <https://literaturkritik.de/id/21125> (date of access: 10.04.2022).

Ledanff, S. (2008). Die Suche nach dem “Wenderoman” – zu einigen Aspekten der literarischen Reaktionen auf Mauerfall und deutsche Einheit in den Jahren 1995 und 1996 [The search for the “Wenderoman” – on some aspects of the literary reactions to the fall of the Wall and German unity in the years 1995 and 1996]. *Wayback machine*. Retrieved from: <https://web.archive.org/web/20081201143007/http://www.dickinson.edu/glossen/heft2/wende.html> (date of access: 10.04.2022).

Lüdeker, G. J., & Orth, D. (2010). Zwischen Archiv, Erinnerung und Identitätsstiftung – Zum Begriff und zur Bedeutung von Nach-Wende-Narrationen [Between archive, memory and identity – The concept and meaning of Nach-Wende narratives]. In G.J. Lüdeker, & D. Orth (Eds.), *Nach-Wende-Narrationen. Das wiedervereinigte Deutschland im Spiegel von Literatur und Film* [Nach-Wende narratives. The

reunited Germany in the mirror of literature and film]. Göttingen: Deutschsprachige Gegenwartsliteratur und Medien.

Mazenova (Burhanova), M. (2020). Berlin kak khudozhestvenny obraz v literature ob'edinyonnoy Germanii [Berlin as fictional figure in the literature of United Germany]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education], 1 (80), 271–273.

Nause, T. (2002). *Inszenierung von Naivität. Tendenzen und Ausprägungen einer Erzählstrategie der Nachwendeliteratur* [Strategy of naivety. Tendencies and characteristics of a narrative strategy of Nachwende-literature]. Leipzig: Leipziger Universitätsverlag.

Potyomina, M. (2014). Literaturnoe pole Germanii posle Ob'edineniya [The literary field of Germany after Unification]. *Vestnik Baltijskogo Federal'nogo Universiteta im. I. Kanta. Seriya:*

Filologiya, Pedagogika, Psihologiya [Bulletin of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology], 2, 74–81.

Potyomina, M. (2007). “Ostal'giya” v literature ob'edinennoj Germanii [“Ostal'gia” in the literature of United Germany]. *Baltiiskij Filologicheskij Kur'er* [Baltic Philological Courier], 6, 237–249.

Potyomina, M. (2013). Vostochnonemeckij monolog v rasskaze F.K. Deliusa “Grushi Ribbeka” [East German monologue in F.K. Delius' short story “Ribback Pears”]. *Baltiiskij Filologicheskij Kur'er* [Baltic Philological Courier], 9, 92–96.

Seiler, L. (2014). *Kruso* [Crusoe]. Berlin: Suhrkamp.

Tellkamp, U. (2008). *Der Turm. Geschichte aus einem versunkenen Land* [Tower. A story from a sunken land]. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.

Для цитирования: Бурханова, М.В. Специфика Wendeliteratur (литературы «поворота») в объединенной Германии // Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований. 2022. Т. 7. № 2. С. 104–119. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-104-119

For citation: Burkhanova, M.V. (2022). The specifics of the Wendeliteratur (literature of the “turn”) in the united Germany. *Practices & Interpretations: A Journal of Philology, Teaching and Cultural Studies*, 7 (2), 104–119. DOI: 10.18522/2415-8852-2022-2-104-119

THE SPECIFICS OF 'WENDELITERATUR' OF THE UNITED GERMANY

Maria V. Burkhanova, PhD in Philology, independent researcher (Moscow, Russia); e-mail: maria.burhanova@yandex.ru

Abstract. When studying the literature of the united Germany, the question arises whether such texts as J. Sparschuh's "The Room Fountain" (1995), Ch. Wolf's "What Remains?" (1990), G. Grass's "Wide Field" (1995), "My Century" (1999), T. Brussig's "Sun Alley" (1999), L. Seiler's "Star 111" (2020), and other numerous works reflecting an entire era, can be categorized under the same term. Since the end of the twentieth century, German-language literary scholarship has repeatedly referred to the concepts of 'Wenderoman' and 'Wendeliteratur' (the novel of the "era of the turn" and the literature of the "turn") as part of this subject matter. However, so far there is no worldwide practice of using these concepts as literary terms in the study of twentieth-century German fiction. Within the framework of this article, we assume that despite the authors' belonging to different generations, their experiences of living in the GDR or the FRG, and the heterogeneity of the genres in which they wrote, their novels have much in common and are in need of a unifying terminology. The theoretical part of the article also includes a discussion of whether the word 'Wende' can be the carrier of the main ideas of artistic texts, devoted to the search for national identity, and also deals with the history of the political concept of 'Wende'. Considering the concept of 'Wendeliteratur' as a term, we summarize the works of German-speaking researchers in this field and make an attempt to derive a general definition and criteria of literature of the "turn", questioning about what texts and what authors comprise 'Wendeliteratur', and according to what principles they can be attributed to it. As a result of a comparative typological analysis of three selected works (the novella "Ribbeck Pears" by F.K. Delius (1991), the novel "The Tower" by U. Telkamp (2008) and the novel "Crusoe" by L. Seiler (2014)), we demonstrate the parallels, linking the key images, the overlapping leitmotifs, similarities in artistic techniques and choice of themes, the particular trends of artistic thinking, typical for the 'Wendeliteratur' (literature of the "turn").

Key words: German literature, Wendeliteratur, Wenderoman, GDR, self-identification, the problem of searching for German identity, literature of the united Germany

